

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ®

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Морин Чайлд
ТОТ САМЫЙ МУЖЧИНА

370

Содлазнь

H HARLEQUIN®

Соблазн – Harlequin

Морин Чайлд

Тот самый мужчина

«Центрполиграф»

2019

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

Чайлд М.

Тот самый мужчина / М. Чайлд — «Центрполиграф»,
2019 — (Соблазн – Harlequin)

ISBN 978-5-227-09205-2

Одна-единственная встреча, одна-единственная неделя любви, и Рита с Джеком поняли, что им суждено быть вместе. Но Джек – морской пехотинец, он снова возвращается туда, где идут военные действия. А Рита возвращается в калифорнийский городок Сил-Бич. Она ждет Джека, но от него полгода нет вестей, и Рита решила, что он погиб. Ей остается только оплакивать своего любимого и ждать рождения его ребенка. Неожиданно он снова появляется в ее жизни, но это уже не тот человек, которого она знала. Ничто его больше не радует. Не сразу, но Рита узнает, что с ним произошло, и решает вернуть прежнего Джека, во что бы то ни стало...

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-227-09205-2

© Чайлд М., 2019

© Центрполиграф, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Морин Чайлд

Тот самый мужчина

Little Secrets: His Unexpected Heir

© 2019 by Maureen Child

«Тот самый мужчина»

© «Центрполиграф», 2021

© Перевод и издание на русском языке,

«Центрполиграф», 2021

* * *

Глава 1

Джек Бьюканан слушал обсуждение интерьера для последней модели круизного лайнера «Судоходной компании Бьюканан», но мысли его были далеко.

Четыре месяца назад он был на войне в пустыне и принимал жизненно важные решения, а сегодня стоит в драпировочной мастерской на Лонг-Бич в Калифорнии и не знает, что лучше выбрать: кожу или ткань на сиденья в баре.

– Что прочнее? – спросил он, вмешавшись в спор между декоратором и обивщиком.

– Кожа, – в один голос заявили оба.

– В баре используйте ткань. – Джек указал на рулон темно-синей материи с серебристым люрексом. – Мы оформляем современный, красивый бар, и прочность меня интересует меньше, чем внешний вид. А черную кожу используйте на сиденьях в кабинках.

Мастера тут же начали это обсуждать, а Джек оглядел мастерскую – ею владел Дан Блэк и его сыновья Марк и Том.

Здесь все в стадии работы: табуреты для бара, диванчики, кресла и столы. В воздухе повис химический запах, слышался низкий рокот швейных машин.

Джек спрашивал, зачем он здесь. Он – исполнительный директор компании. Разве ему некого послать вместо себя, того, кому он доверяет. Но быть здесь сегодня самому – его идея. Он решил погрузиться во все детали бизнеса. Он десять лет этим не занимался, поэтому восполнять надо многое.

Джек, его брат Сэм и сестра Касс – все они принимали участие в делах компании с юных лет, начиная дворниками, поскольку отец был убежден, что дети, воспитанные в богатстве, вырастают дураками.

Отец постарался сделать так, чтобы его дети узнали, что такое настоящий труд, работая наравне с другими служащими. И их могли уволить, если они не справлялись. Томас Бьюканан вырастил детей в уважении к тем, кто на них работал, чтобы они никогда не забывали, что без этих трудяг семейного бизнеса не будет. Поэтому Джек, Сэм и Касс прошли все уровни в компании. Они покупали автомобили на свои деньги, сами платили за страховку, и если хотели носить модную одежду, то копили деньги.

Сейчас, оглядываясь назад, Джек понимал, что это правильно. Конечно, тогда он не очень был доволен, но зато сегодня мог занять должность исполнительного директора благодаря отцу и его требованиям.

«Судоходная компания Бьюканан» имела интересы по всему миру, строя круизные лайнеры, торговые и рыболовецкие суда. Брат Джека, Сэм, занимался этим из Сан-Диего.

Компанию основал прадед, всего с одной рыболовной лодкой. Бьюкананы жили на побережье Калифорнии еще до золотой лихорадки. Многие скупали землю, занимались раскопками, чтобы сколотить состояние, а Бьюкананы обратили свои взоры к морю. Репутация компании всегда была высокой и безупречной, и Джек хотел продолжать в том же духе.

Их последний круизный лайнер будет первоклассным, современным, чтобы полностью соответствовать названию «Королева моря».

– Мистер Бьюканан, – окликнула его декоратор, и Джек вернулся к реальности.

– Да. В чем дело?

– Надо определиться с высотой стульев и шириной кабинок в баре...

Джек поднял руку, чтобы она не продолжала:

– Мисс Прайс, вы сами с этим справитесь. – Чтобы не обидеть, добавил: – Я доверяю вашему мнению.

– Конечно, конечно... Я вышлю вам факсом полный отчет обо всех сегодняшних решениях.

– Прекрасно. Спасибо. – Он, прощаясь, пожал руку Даниелу Блэку, помахал работникам мастерской и ушел.

На улице на него налетел сильный, холодный, с запахом моря ветер. Небо было ясное, голубое, этот уголок города излучал энергию.

Он не был готов возвращаться в офис компании, в роскошный кабинет, отвечать на телефонные звонки и просматривать отчеты, сидеть, как привязанный, за письменным столом. Джек направился к своему автомобилю, сел и быстро уехал. Уехал от работы, ответственности и от зудящего беспокойства. Джек ехал туда, где ему будет спокойно.

О'кей, может, «спокойно» неправильное слово, признал он двадцать минут спустя. Плотная толпа на Главной улице Сил-Бич, оглушающий шум и запахи из ресторанов, кафе и булочных-пекарен поглотили его.

Джек Бьюканан протискивался через летнее скопление людей на тротуарах. Он дома уже четыре месяца после последней командировки и до сих пор не привык находиться среди такого количества народа. От этого он чувствовал раздражение, каждый нерв в теле натянулся и, казалось, сию секунду лопнет.

Нахмурившись, он обошел двух женщин, которые остановились посередине тротуара, обсуждая фасон туфель. О господи! Покачав головой, он ускорил шаг, сторонясь остолопов-туристов, подростков с досками для серфинга и детей, со смехом носившихся туда-сюда.

Летом в южной Калифорнии всегда полно туристов, которые стекаются со всех концов света. Обычно Джек избегал толпы, стараясь не слишком удаляться от здания своего офиса и пентхауса, где жил.

Но хотя бы раз в месяц он заставлял себя ходить среди толпы, чтобы понять, может ли это вынести.

Людское окружение возрождало подозрительность, необходимость быть начеку. Он ненавидел себя за это. Но четыре месяца, проведенные дома, далеко от поля боя, не настолько долгий срок, чтобы уменьшить защитные инстинкты, которые сохранили ему жизнь в пустыне. Он заставлял себя побороть свою настороженность, не желая, чтобы то, через что он прошел и что видел, управляло им, постоянно влияло на него.

Из-за угла пулей вылетел мальчишка и столкнулся с Джеком. У Джека моментально сжался каждый мускул, он поймал мальчика за плечо, чтобы тот не упал:

– Смотри, куда несешься!

– Простите, мистер.

– О'кей. – Джек отпустил его. – Просто смотри вперед.

Мальчик побежал к пляжу и пирсу в конце улицы.

Джек смутно помнил, каково это – быть десятилетним, а перед тобой целый мир летних развлечений. Сколько же времени он не был на Сил-Бич? Уже месяца два.

Эта часть побережья лежала вдоль Лонг-Бич, где он жил и работал. Воспоминания – это тяжкий груз, и он старался избегать их, поскольку они никуда не приведут. Но помимо воли в голове вертелись образы.

В прошлом декабре он был в кратковременном отпуске: две недели, чтобы повидать семью и отдохнуть. Первые несколько дней он навещал отца, брата и сестру, а затем предпочел уединиться. Он приходил на пляж на ночь глядя, чтобы походить по песку, услышать шепот моря. И однажды ночью он встретил... ее, красавицу.

Лунный свет падал ей на волосы, на кожу... Он почти убедил себя, что она ему привиделась. Но тут красавица повернула голову и улыбнулась.

Ей следует поостеречься. Женщина одна в темноте на пляже... Рита Маркетти оказалась умной, осмотрительной и не из робких. Они разговорились, а на следующий день встретились. И на следующий тоже. Остаток отпуска он провел с ней, и каждый момент тех дней запечат-

лелся в его мозгу живыми, переливающимися красками. Звук ее голоса, музыка ее смеха, блеск глаз и шелковая кожа.

То далекое время закончилось. И не вернется. Это он себе обещал. Никогда опять у него не будет потерь и страданий, и никогда он не сблизится ни с кем, никому не принесет боли собственными потерями.

Этот суровый урок он усвоил в горячих песках далекой страны. И этот урок преследовал его до сегодняшнего дня. Урок был настолько тяжел, что даже просто пройти сквозь толпу становилось испытанием: затылок кололо, и он собирал в кулак всю свою волю, чтобы не убежать прочь.

Но Джек заставил себя не поддаваться панике и продолжал идти, глядя на обычную жизнь. Играли уличные музыканты, им кидали долларовые бумажки в раскрытые футляры гитар. Хозяева кафе выставляли столики перед входом, привлекая посетителей, дальше по улице в дверь булочной-пекарни тянулась очередь.

Очевидно, у этой пекарни были завсегдатаи, раз десятки людей – подростки, женщины и мужчины, туристы и служащие – терпеливо ждали возможности пройти в открытую дверь. Подойдя ближе, Джек вдохнул вкусные запахи и заглянул в широкую витрину. И замер, когда до него донесся знакомый смех.

Он похолодел. Он узнал бы этот смех где угодно. Гортанный, густой, заставивший его вспомнить долгие жаркие ночи, вспомнить страстные карие глаза.

Он пытался забыть ее. Думал, что похоронил воспоминания, но сейчас они вернулись, нахлынули на него.

Это она! Не может быть. Джек прошел мимо очереди и оказался в булочной. Он шел на звук этого смеха. Он должен увидеть, должен знать.

– Эй, пижон! – окликнул его длинноволосый серфингист. – Конец очереди сзади.

– Я не буду ничего покупать, – огрызнулся Джек и окинул парня таким взглядом, что тот замолчал, лишь пожав плечами.

Джек двигался мимо столиков и стульев, через толпу покупателей у прилавка со стеклянной витриной. Кругом шум голосов, веселое позвякивание старомодной кассы, но Джек не обращал на это внимания – его глаза искали женщину, которую он до сего дня не рассчитывал снова увидеть.

Раздался тот самый смех, и он развернулся на звук подобно тому, как волк находит подругу, учуяв ее по запаху. Сердце гулко билось, стуком отдавалось в ушах... и Джек увидел ее. Все другое в зале куда-то исчезло.

Рита Маркетти. Джек затаил дыхание и уставился на нее. Он не сводил с нее глаз, казалось, целую вечность. С открытой веселой улыбкой она смотрит на покупателя и смеется. Что, черт возьми, она делает в пекарне на Сил-Бич в Калифорнии, когда живет в Огдене в штате Юта?

Он наблюдал за ней: она улыбалась и смеялась с покупателем, упаковывая ему печенье в высокую красную коробку и ловко завязывая белую ленточку. Руки – маленькие, проворные. Большие шоколадные глаза излучают тепло, длинные курчавые волосы убраны в хвост, который покачивается при каждом движении. У нее золотистая кожа, полные губы. И хотя она маленького роста, фигура у нее пышная. Память его не подвела. Кровь прилила к паху, в голове легкость. Его охватил целый шквал чувств: радость, злость на прошлое, с которым расстался, и желание, такое жгучее и сильное, что стало трудно дышать.

Его пристальный взгляд, должно быть, привлек ее внимание. Она подняла голову и оглядела зал. И встретилась с Джеком глазами. Глаза у нее расширились, рот приоткрылся, и она поднесла руку к горлу, словно ей тоже стало трудно дышать. Не отводя от него взгляда, она отошла от прилавка, обошла витрину. Джек был абсолютно не готов увидеть то, что увидел.

Она беременна.

И большой срок.

На круглом выпирающем животе натянулась ярко-желтая футболка. Белые капри чуть ниже колен. Туфли-сликеры без задников тоже ярко-желтые, в тон рубашки.

Он увидел, отметил все это в долю секунды. Взгляд снова приклеился к ее животу. Сердце Джека совершило кульбит. У него миллион вопросов, но он не успел задать ни одного, потому что Рита бросилась ему на шею.

– Джек! – Она обняла его, но, заметив, что ответной реакции нет, отступила назад, и улыбка исчезла. – Каким образом ты здесь? Я думала, что ты умер. Я ничего от тебя не получала и...

Он бросил взгляд вокруг – на них обращали внимание. Не хватало еще, чтобы их разговор слышали. А им – взгляд снова упал на ее живот – есть о чем поговорить.

– Не здесь, – негромко произнес он. – Давай пройдемся.

– Я на работе. – Она указала на очередь покупателей у прилавка.

– Сделай перерыв. – Джек спиной чувствовал, что на них смотрят. Надо убираться отсюда, и поскорее. Но без Риты он не уйдет. Ему нужны ответы на вопросы, и он их получит. Она здесь, и она беременна. Судя по размеру живота, месяцев шесть, а это означает, что они обязаны поговорить. Сейчас.

Она нахмурилась. Он угадал ход ее мыслей: ей не нравится, что он командует; она удивлена его появлением; она хочет получить ответы на вопросы не меньше, чем он.

Рита позвала рыженькую девушку за прилавком:

– Кейси, я уйду на перерыв. Вернусь через пятнадцать минут.

– Мы можем не уложиться в пятнадцать минут, – предупредил Джек, когда Рита уже шла к двери.

– Уложимся, – бросила она через плечо.

Он в два шага нагнал ее и взял за руку. Как только они вышли, она выдернула свою руку.

– Я могу идти самостоятельно, Джек.

И больше ни слова.

Рита направилась к пирсу по тенистой улице. Джек полюбовался на нее пару минут. У нее и раньше была аппетитная попка, и он будет глупцом, если сейчас этим видом не насладится. Он успел забыть, какая она миниатюрная. Но не хрупкая. И у этой женщины был взрывной, несдержанный характер, что ему нравилось. Но прямо сейчас ему следует думать о другом. Почему она в Сил-Бич? И беременна?

Джек быстро приспособил к ее походке свои шаги. Они остановились на красный свет у Океанской авеню. Через улицу простирался пляж, дальше – пирс и океан. Даже на расстоянии можно различить серфингистов, разрезающих досками волны, рыбаков на пирсе и велосипедистов, гоняющих вдоль боковой дорожки.

Пока они ждали сигнала светофора, он смотрел на Риту, и его взгляд неизменно притягивался к ее животу. Он в растерянности взъерошил волосы. Да, ему следовало написать ей, как обещал. Надо было связаться с ней, когда окончательно вернулся домой. Но он вернулся из такого места, о котором ни с кем не хотел говорить. Черт, даже семья не могла вытянуть из него ни слова.

– Как давно ты уже дома? – спросила Рита. Ее голос был едва слышен за шумом машин.

– Четыре месяца.

Она посмотрела на него, и он прочитал гнев и грусть, золотой блеск в темно-шоколадных глазах погас.

– Рада это узнать.

Зажегся зеленый свет, и она переступила через бордюр. Он опять взял ее за руку и крепко держал, несмотря на то что она хотела оттолкнуть его.

Как только они перешли улицу, Рита отдернула руку, и он пошел следом за ней, а она направилась к скверу на краю парковки. Сильный ветер развеивал ее волосы, завязанные в хвост, и полы его пиджака.

Она оглянулась на него и заговорила с болью и досадой:

– Я думала, что ты умер.

– Рита.

Она покачала головой и подняла руку, чтобы он замолчал.

– Я так думала. Ты сказал мне, что напишешь. И не написал. Ты дома уже четыре месяца, но не искал меня.

Джек вздохнул и признался:

– Нет, не искал.

Она качнулась, словно он ее ударил.

– Ничего себе. И ты даже не извиняешься?

– Нет, не извиняюсь. – Он не сводил глаз с ее лица. – На это были причины.

– Не терпится узнать, что же это за причины.

Глава 2

Рита сцепила руки, чтобы унять бешеный стук сердца. Бросив взгляд на Джека, она поняла, что успокоиться не удастся – он неотразим. Черные волосы – более длинные, чем раньше, – прозрачно-голубые глаза и твердый подбородок... все это породило такую лавину чувств, что она едва могла продохнуть.

Всего одну волшебную неделю шесть месяцев назад она была влюблена и думала, что он испытывает то же самое. Потом он уехал, а она осталась, ожидая письма, которое так и не пришло. Поэтому вот уже несколько месяцев она была убеждена, что он умер. Убит в военных действиях во время последней командировки. Когда они познакомились, она знала, что он морской пехотинец в кратковременном отпуске. Знала, что он возвращается туда, где опасно, но почему-то убедила себя, что он уцелеет. Что вернется домой. К ней.

Он обещал написать, и когда она ничего от него не получила, то долго горевала. Ей пришлось посмотреть правде в лицо: он никогда не вернется, погиб, и все, что у нее с ним было, – это кратковременное знакомство, которое закончилось.

А сейчас он здесь.

– Как ты меня нашел?

– Я не искал, – покачал головой Джек. – Я просто шел по улице, услышал твой смех и застыл на месте.

О господи! Так это случайность? Прихоть судьбы. Он ее не искал. Он, вероятно, забыл о ней в тот же момент, как ушел полгода назад. А что делала она? Скорбела. Горевала. Память о той боли прорвалась в ее словах:

– Я думала, что ты погиб. – Хотя бы он не услышал этой боли!

Он вздохнул, выдохнул, потом произнес:

– Я хотел, чтобы ты так думала.

Еще один удар. Он хотел, чтобы она оплакивала его? Чтобы прошла через боль утраты? Единственное, что не давало ей сломаться, что заставляло вставать с кровати утром, – это ребенок. Знать, что Джек оставил ей этот подарок, ребенка... это придавало силы. Она продолжала жить, говоря себе, что этого хотел бы Джек.

А сейчас она узнаёт, что он, оказывается, хотел, чтобы она считала его погибшим?

– Кто же ты такой? – Рита отчаянно моргала, чтобы скрыть слезы.

– Я тот же парень, которого ты знала, – выдавил он.

– Нет. – Она выпрямилась, задрала подбородок и смерила его гневным взглядом. – Джек, которого я знала, никогда бы не заставил меня пережить то, что я вынесла за эти полгода.

На мгновение ей показалось, что она увидела стыд в его глазах, но это быстро исчезло. Наверное, она приняла желаемое за действительное.

– Разговор не обо мне, – сдержанно произнес он. – Ты беременна.

– Ты весьма наблюдателен, – съязвила Рита и обхватила живот руками, словно обороняясь.

– И какой срок?

Она понимала суть вопроса: кто отец? И не знала, от чего больше сейчас страдает – от боли или злости.

– Шесть месяцев, – многозначительно ответила она. – Поэтому ответ на твой столь завуалированный вопрос такой: отец ты.

Сказав это, она не ощутила особой радости. Да, она любит своего ребенка, она любила его отца. Но этот незнакомец, смотрящий на нее холодными глазами, – чужой человек.

– И ты не сообщила мне об этом.

У нее непроизвольно вырвался смех. Ну и нелепое замечание.

– Джек, а как я могла это сделать? У меня не было никаких способов связаться с тобой. Ты собирался написать и сообщить адрес. Не думаю, что письмо, адресованное Джеку Бьюканану, морскому пехотинцу США в какой-то пустыне, дошло бы до тебя.

Он сдвинул челюсти, сощурился и засунул руки в карманы. От порывов ветра темно-красный галстук развевался, словно флаг, волосы растрепались. Глаза смотрели холодно.

– Я понял. Как я уже сказал, у меня были причины.

– Но я их пока не услышала.

– Да... Сейчас это не важно. А важно вот это. – Он перевел взгляд на ее круглый выпирающий живот, потом снова на ее лицо. – Мой ребенок.

– Ты хочешь сказать – мой ребенок, – поправила его она.

– Рита, если ты думаешь, что я уйду от ответственности, то ошибаешься.

– А с какой стати мне так не думать? – Она отодвинулась от него. – Ты же ушел и не оглянулся.

– Это неправда, – пробормотал он, отвернулся и стал смотреть на океан. – Я думал о тебе.

Сердце у нее дрогнуло, но Рита устояла. Он ушел. Вычеркнул ее. Допустил, чтобы она оплакивала его, черт подери. «Я думал о тебе» – не восполнит страдания, которые она вынесла.

– И я должна тебе верить?

Он искоса посмотрел на нее:

– Хочешь верь, хочешь нет, но это ничего не изменит.

– Согласна, не изменит. Послушай, я должна вернуться к работе.

– Твой хозяин не уволит тебя, если ты будешь отсутствовать дольше четверти часа.

Она рассмеялась:

– Хозяин – это я. Пекарня моя, и мне пора туда вернуться.

– Твоя?

– Да. – Рита развернулась и пошла обратно к Главной улице.

Он остановил ее.

– Почему ты приехала сюда? Я имею в виду Сил-Бич. Ты ведь жила в Юте, когда мы познакомились.

Рита пристально на него смотрела. В ярких лучах солнца он выглядел таким красивым! Высокий, широкоплечий, в элегантном костюме. Помимо воли внутри у нее что-то шевельнулось, что-то похожее на желание.

Но это было давно, напомнила себе она, а что сейчас?

– Я переехала. Потому что хотела быть ближе к тебе, – ответила она и добавила: – Конечно, это когда я не думала, что ты умер. А сейчас единственное, что умерло, это мое чувство к тебе.

Рита ушла, но чувствовала спиной его взгляд. Она знала, что видела его не в последний раз.

Днем Джек вернулся в булочную, сел за столик у стены и заказал кофе. Поток посетителей казался неиссякаемым, люди смеялись, болтали и уходили, унося с собой красные фирменные коробки с выпечкой. «Это ее пекарня!» – с восхищением думал Джек.

Небольшое помещение радовало глаз старомодной изысканностью – блестящий полировкой деревянный пол, темно-синий гранитный прилавок, касса из хромированной латуни, стеклянные витрины с кондитерскими изделиями, медные бра на стенах и горшки с цветами и зелеными ветками. Одним словом – первоклассная итальянская пекарня.

Джек поискал глазами Риту. Она не обращала на него никакого внимания, но его это не задевало – у него есть время, чтобы все обдумать.

Голова у Джека гудела. Новость о ребенке, он опять видит Риту... Он не один месяц старался забыть ее, а сейчас в памяти вспыхнуло все.

Он увидел ее стоящей у кромки воды, лунный свет падал с холодного черного неба. Декабрь на пляже – время совсем не жаркое, а на ней только жакет, туфли она держит в руке, и ледяная вода набегает на ступни.

Волосы у нее – копна темно-каштановых кудрей, они развеваются от ветра. Она услышала его шаги, повернула голову и посмотрела на него. Ему бы пройти мимо к пирсу, но что-то в облике этой девушки заставило его замедлить шаг. Он остановился на расстоянии, потому что не хотел ее пугать, но стоило ему увидеть большие карие глаза, как его потянуло к ней. Такого он никогда прежде не испытывал.

– Не бойтесь, – сказал он. – Я вполне безобидный человек.

Она еле заметно улыбнулась и склонила голову набок:

– Сомневаюсь в этом, но я не испугалась.

– Почему? – спросил он, сунув руки в карманы джинсов. – Пустой пляж, темнота, странный парень.

– Вы не выглядите таким уж угрожающим. К тому же я сильная, – сказала она. – И быстро бегая.

Он рассмеялся. Ему понравилось, что она спокойная и самоуверенная.

– Учел.

– Я туристка. А почему вы на пляже в такой холод?

– Я отсутствовал какое-то время, вот и захотелось полюбоваться на океан.

– Вы военный? – спросила она.

Он улыбнулся:

– Это так очевидно?

– По стрижке, – тоже улыбнулась она.

– Да. – Он провел рукой по макушке. – Трудно скрыть. Я морпех.

Она снова улыбнулась, а он подумал, что такой красивой женщины никогда не встречал.

– А вы откуда сюда приехали?

– Из Юты. Из Огдена, чтобы быть точной.

– Красивый город. Правда, я был там давно.

Его ослепила ее улыбка.

– Спасибо. Там роскошно. И я очень люблю горы. Особенно осенью. Но... – она повернулась к океану, – ... против этого не устоишь.

– Да, я скучал по водному простору.

– Понимаю. Как долго вы отсутствовали?

– Очень долго.

Словно поняв то, о чем он не сказал, она кивнула, и они замолчали. Единственный звук – это звук моря, когда волны прилива касаются берега и снова отбегают назад.

Наконец она улыбнулась, откинула волосы с лица и сказала:

– Мне пора вернуться в отель. Приятно было познакомиться.

– Но мы не познакомились, – быстро произнес он. Ему вдруг захотелось задержать ее. – Я Джек.

– А я Рита.

– Мне нравится ваше имя.

– Спасибо.

– Вам действительно нужно возвращаться? Может, я угощу вас чашечкой кофе?

Она внимательно смотрела на него минуту-другую, потом кивнула:

– С удовольствием, Джек.

– Я рад, но если вы не уверены...

– Вообще-то я не уверена. Но почему-то...

Он подошел к ней и протянул руку. Она взяла его руку, и в ту секунду, когда он коснулся ее, почувствовал нервное возбуждение, ошеломивший его гул в теле. Он взглянул на их руки и сжал пальцами ей ладонь.

– Пойдемте со мной, Рита. Я знаю одно место.

– Простите.

Это произнесла женщина, стоящая около его столика. Рыжеволосая.

– Что вы сказали? – переспросил он.

– Рита просит передать, что это за счет заведения. – И поставила перед ним тарелку с двумя канноли¹.

Он нахмурился.

– Я Кейси. Вам принести еще кофе?

– Конечно. Спасибо.

Женщина забрала чашку и отошла к прилавку. Джек забыл про кофе и стал искать глазами Риту.

Она словно ждала его взгляда, потому что посмотрела на него, и даже через зал, заполненный людьми, Джек почувствовал накал их первой встречи. Словно они вдвоем на безлюдном пляже.

Черт.

Кейси вернулась со свежим кофе. Не отводя глаз от Риты, Джек оперся о стену спиной и медленно потягивал кофе. Им необходимо о многом поговорить. Жаль, что нельзя поговорить мысленно.

Спустя пару часов Рита закрыла булочную. Джек уже видел вывеску с часами работы: открывается в семь утра, закрывается в шесть вечера. Он смотрел, как Рита защелкивает задвижку и переворачивает табличку на двери.

– Джек, почему ты сидишь здесь целый день? – Она подошла к нему.

– Я не просто сижу – я ем канноли.

Губы у нее изогнулись. Может, она улыбнется ему той широкой улыбкой, как в тот вечер их встречи? Но улыбки не последовало.

– Разве тебе можно быть на ногах столько времени? – спросил он.

Брови взметнулись вверх, и Рита уперлась кулаками в бока:

– Да ну?

– Вопрос вполне уместен. Ты беременна.

Теперь в больших карих глазах отразилось притворное удивление:

– Неужели?

Джек вздохнул – разговор принимал нелепый оборот.

– Смешно. Послушай, я только что об этом узнал, поэтому ты могла бы проявить хоть каплю снисходительности.

Она села на стул напротив. Села с явным облегчением.

– С какой стати? Это не я виновата, что ты не знал о ребенке. Ты мог с самого начала об этом узнать, Джек, если бы написал мне. – Она протянула руку и сорвала сухой листок с цветка в горшке. Потом снова взглянула на него. – Но ты не написал. Вместо этого ты исчез, предоставив мне считать тебя умершим.

Да, он вполне ее понимал, но это не изменит того факта, что он поступил так, как считал в то время необходимым. Он должен был выбросить ее из головы. Мыслям о ней не нашлось

¹ Итальянское пирожное – трубочка с творожной начинкой. (Здесь и далее примеч пер.)

места на военной базе в той выжженной пустыне, это отвлекало и угрожало безопасности его самого и его подчиненных.

Конечно, вначале он полагал, что, если думать о ней, это поможет выживать, напомнит ему о том, что есть другой мир вне того ужаса, в котором он очутился. Но через две недели после возвращения в военную часть произошло событие, убедившее его, что образы домашней жизни лишь сеют смятение. Рисовать в уме ее лицо – это опасно.

Поэтому он спрятал воспоминания в темный глубокий угол в мозгу, запер на замок. Это далось ему нелегко, но Джек был уверен, что поступает правильно.

А сейчас он уже не так в этом уверен.

– Почему? – спросила она, сложив руки на стеклянной круглой столешнице. – Ты мог хотя бы сказать мне, почему ты не написал.

Он смотрел прямо ей в глаза:

– Сейчас это не важно. Что было, то было. Мы должны иметь дело с тем, что есть сейчас.

Рита покачала головой, откинулась на спинку стула и постучала пальцами по столу.

– Джек, «мы» – это не про нас. Больше не про нас.

Широкое окно около него выходило на Главную улицу. Позднее солнце освещало тротуар и людей, прогуливающихся в вечерней прохладе. Все выглядело буднично, нормально. Мирно. Но он все равно не может расслабиться. Он отвернулся от окна и посмотрел на женщину, которую успел так хорошо когда-то узнать.

– Поскольку есть ребенок, есть и «мы», – сказал он. – Если ты думаешь, что я брошу своего ребенка, то ты ошибаешься.

Она опустила руки на живот. Это свойственно всем беременным женщинам или Рита чувствует угрозу, исходящую от него?

– Джек...

– Мы можем поговорить об этом, вместе все решить, – сказал он. – Но основное – я сейчас здесь. Тебе придется с этим смириться.

– Не тебе мне приказывать, Джек. – Она грустно улыбнулась. – У меня своя жизнь, свой бизнес. И своего ребенка я воспитаю.

– И моего.

– Учитывая, что твоя половина и моя переплелись, – насмешливо заметила она, – то да.

– Такой подход неприемлем. – Джек видит упрямый огонек в ее глазах – она не передумает. Что ж... Он способен переупрямить кого угодно.

– Джек, по-моему, тебе следует уйти. – Она встала и одной рукой потерла живот.

Он проследил за этим движением, и сердце подскочило. Его ребенок. Внутри женщины, которая принадлежала ему такое короткое время.

– Я провожу тебя домой, – сказал он и встал.

Она усмехнулась:

– Я дома. Я живу наверху. Там у меня квартира.

– Ты шутишь. – Он посмотрел на потолок. Ничего себе. Наверняка квартирka совсем маленькая. – Ты живешь над пекарней?

Она обиделась:

– Ну и что? Это удобно. Я встаю в четыре утра, чтобы заняться выпечкой, а для этого мне нужно только спуститься вниз.

– Ты же не собираешься растить моего ребенка в помещении над пекарней?

Глаза у нее блеснули, темная бровь изогнулась, и Джек понял, что ступил не на тот путь. Но не имеет значения, какими словами он это выразил, если вывод однозначен: его ребенок не будет жить над пекарней. Это точно.

– Круг замкнулся, – сказала Рита, подошла к входной двери, широко распахнула ее и махнула рукой... чтобы он выметался. – Джек, уходи. Я этого хочу.

– Хорошо. – Он не стал спорить. Сейчас не стал. Он прошел мимо нее и задержался, уловив ее запах и... тепло ее тела. Все в нем сжалось, перевернулось, толкнуло его к ней. Он взял в ладонь ее подбородок и приподнял. Их взгляды встретились. – Рита, ничего не закончилось, все только начинается.

Подогнув под себя ноги, Рита устроилась на кушетке в своей – да, правильно, крошечной – квартирке.

– Что мне делать, Джина? – спросила она сестру в телефон.

Вместо ответа раздался крик сестры:

– Алли, не смей опять лить молоко на собаку!

– Но почему? – послышался в телефоне тонкий детский голосок.

Несмотря на собственные сложности, Рита засмеялась. Алли было два года, она отличалась упрямством, но прелестная улыбка обычно помогала ей не получить нагоняй.

– Потому что собачке это не нравится! – крикнула Джина, а в трубку прошептала: – Вообще-то дура-собака это любит и всю ночь вылизывает себя. Пол липкий, собака пахнет прокисшим молоком. Ужас!

В такие минуты Рите очень не хватало своей семьи. Родителей. Сестры. Двух старших братьев. Племянниц и племянников. Они все жили в Огдене и работали в семейной пекарне. Семья Маркетти – шумная, дружная, все отчаянные спорщики. Иногда Рита так сильно скучала, что была готова кинуться к ним.

Как сейчас, к примеру.

– Майкл и Браден Франко! – снова закричала Джина. – Если вы будете кататься на скайтбордах по лестнице и что-нибудь себе сломаете, то я сожгу эти доски на костре.

Пятилетние близнецы отличались непоседливостью и любознательностью, и Рита их обожала.

Наконец Джина облегченно выдохнула:

– Опасность миновала. Прости, дорогая. О чем ты говорила?

– О Джеке. Он жив. И он здесь. – Рита закусила нижнюю губу, изо всех сил стараясь не заплакать, хотя Джек ее не видит. Но все равно она не хотела доставить ему, даже невидимому, такое удовольствие.

Разве она уже не пролила море слез по нему? После того как за два месяца не получила от него ни слова, она поверила, что его больше нет на свете, что он наверняка убит в сражении где-то далеко. Какая другая причина могла быть, чтобы не написать ей?

Всего за одну неделю полгода назад они почувствовали, что их соединяет нерушимая сила. Она отдалась ему с неистовостью, несмотря на то что они почти не знали друг друга. Знаешь ты человека пять дней или пять лет – к чувствам это не имеет отношения.

Рите хватило менее пяти дней, чтобы понять: Джек ее мужчина. Он уехал и не вернулся, а ее охватила боль потери. А потом... потом она узнала, что беременна.

– Он... у тебя? – прошептала Джина, словно Джек мог ее услышать. – В твоей квартире?

– Нет. – Она бросила взгляд на лестницу, хотя не ожидала, что Джек там появится. – Нет, его здесь нет. Я имею в виду, что он приехал в Сил-Бич. Сегодня пришел в булочную.

– О боже. А что ты сделала? А что он сказал? Где, черт возьми, он был? Почему не написал тебе? Вот негодяй!

– Я едва не закричала, увидев его, – призналась Рита. – Потом я его обняла.

– Конечно, ты его обняла. А потом дала ему по шее?

Рита засмеялась:

– Нет, но жаль, что в тот момент об этом не подумала.

– Ну, если я тебе нужна, то Джимми присмотрит за детьми несколько дней, а я прилечу и сама намылю ему шею.

Рита со вздохом улыбнулась:

– Джина, знаю, что всегда могу на тебя рассчитывать.

– Разумеется. Итак, где он был?

– Не знаю.

– Почему не написал?

Рита нахмурилась:

– Не знаю.

– Ну что он сказал?

Рита хлебнула травяного чая из чашки.

– Он хотел всего лишь поговорить о ребенке.

– Ничего себе.

– Вот именно. – Рита тяжело вздохнула и поставила чашку на кофейный столик. – Он удивился, увидев, что я беременна. Кажется, его это не обрадовало.

– Нам не нужна его радость. Но почему бы ему и не обрадоваться? Подожди. Не отключай телефон.

Ожидая, Рита опустила голову на спинку кушетки. Ее квартирка уютная и удобная. Есть гостиная, кухня со всем необходимым оборудованием, спальня и ванная, правда, такого размера, что она постоянно билась локтями о дверцу душа. Стены в квартире мягкого зеленого цвета, висят фотографии в рамках с видами пляжа, гор и членов семьи.

– Ну вот, – сказала Джина. – Я отнесла ребенка Джимми. Когда нервничаю, я должна ходить и махать руками.

Рита рассмеялась:

– Джина, со мной все в порядке. На самом деле. Мне просто нужно с тобой поговорить.

– Ну конечно.

У сестры было четверо чудесных ребятишек, младшей всего восемь месяцев, и еще обожающий ее муж. Рита на минуту позавидовала Джине. Потом погладила свой живот медленными нежными движениями. И у нее тоже есть ребенок. Она не одна. И не важно, что Джек ушел от нее, чтобы неожиданно ворваться в ее жизнь.

– Как ты собираешься поступить? – спросила Джина. – Что ты чувствуешь?

– Ни в чем я не уверена – это ответ на оба вопроса. – Рита встала с кушетки и подошла к окну, выходящему на Главную улицу. Она стояла в темноте и думала о том, что тонкая ниточка связывает ее со старшей сестрой.

– Я не знаю, что делать, – призналась Рита, – потому что не представляю, что у него на уме.

– Что бы ни было, ты справишься, Рита, ты не одинока.

– Вообще-то одинока.

– Ты все еще его любишь?

Рита положила ладонь на стекло – холод проник в кожу.

– Я буду дурочкой, если это так? – прошептала она.

Глава 3

Джек поднял голову.

– Что с тобой происходит? – Отец вошел в кабинет, который прежде был его. Томас Бьюканан – высокий, подтянутый, с сильной проседью в волосах, острым взглядом голубых глаз. Передав повседневное руководство компанией старшему сыну, Томас оставил за собой место в совете директоров, чтобы быть в центре событий, в том числе держать в поле зрения сына.

– Ничего, – ответил Джек и уткнулся в пачку документов на письменном столе. – Почему ты спрашиваешь?

– Ну, хотя бы потому, что ты чуть не оторвал голову Шону, когда он не смог быстро внести в компьютер план судоходства.

– Это его работа. Он должен успевать.

Джек посмотрел на отца, увидел настороженный, проницательный взгляд и отвернулся – он не настроен на беседу и не может удовлетворить отцовский интерес. Он знал, что после возвращения к гражданской жизни семья беспокоилась о нем, и больше всех отец. Но что Джек мог поделать? Ничего. Терапия и сочувствие ему не нужны, и он не хочет говорить о том, что видел на поле боя. Он хотел бы забыть об этом и жить той жизнью, какая была у него раньше. Пока что не получается.

После нескольких секунд молчания отец произнес:

– Я все-таки не понимаю, почему ты сменил мебель в офисе. И стол зачем-то передвинул. Это мой отец поставил стол у окна, и стол ни разу не передвигали. До сих пор.

Джеку стало неловко, и он заерзал в объемистом черном кожаном кресле. Он сделал кое-какие изменения, когда занял отцовское место. Главное – он передвинул стол красного дерева так, чтобы сидеть спиной к стене, а не вырисовываться на фоне окна.

Да, он знал, что это глупо и ему не нужно опасаться снайперов, но трудно отбросить прочно укоренившиеся привычки, которые сохраняли ему жизнь.

– Мне так нравится, – ответил Джек.

Отец вздохнул:

– Почему бы нам не поговорить?

– Мы уже разговариваем, – сказал Джек.

– Но ни о чем важном, с тех пор как ты вернулся. Словно ты все еще слишком далеко и до тебя не добраться.

– Папа, я здесь.

– Частично, но не полностью. Я каждый день себя спрашиваю, когда же мой сын наконец приедет домой.

Джек тоже себя об этом спрашивал. У него было ощущение, что часть его осталась в жаркой пустыне, и он не знает, когда найдет эту часть, и найдет ли вообще.

– Папа, я очень стараюсь.

Томас сунул руки в карманы брюк и в замешательстве стал раскачиваться на каблуках.

– Я просто хочу чем-то тебе помочь. Чтобы ты дал мне такую возможность. Я-то думал, что, если ты возьмешь на себя руководство, это поможет вернуть тебя в обычную жизнь. Заставит снова радоваться жизни. Но ты продолжаешь отгораживаться. От меня, от сестры и от брата. Черт, ты даже не ходил на свидания с тех пор, как вернулся, сынок.

– Я не хочу ни с кем встречаться. – Ложь. Все клеточки в нем хотели Риту, но он не поддается. Он не в том состоянии, чтобы участвовать в ее жизни.

– Должен заметить, что это ненормально.

– Я здоров, – сказал Джек.

Томас покачал головой:

– Нет, не здоров. Пока не здоров. Но ты поправишься. – Он подошел к сыну, положил обе руки на стол и нагнулся к нему. – Придет день, и ты поправишься, Джек. Я бы хотел, чтобы ты в это поверил. Постарайся, хорошо?

– Постараюсь. – Он посмотрел в глаза отцу и опять соврал: – Все хорошо, клянусь.

Отец кивнул и отошел от стола:

– О'кей. Оставим этот разговор.

«Слава богу», – с облегчением подумал Джек.

– Я завтра отправляюсь в Сан-Диего, – сказал отец. – Мы с Сэмом возьмем лодку, чтобы половить рыбу на уик-энде. Хочешь присоединиться?

Мальчики Бьюканан, как называла всех троих мама, обычно проводили выходные, ловя рыбу. В прежние времена Джек ничего так не любил, как отправиться на рыбалку с младшим братом и отцом. Но сейчас мысль оказаться в лодке под их вопрошающими взглядами представлялась ему сущим кошмаром. Они изведут его вопросами, он будет негодовать, и всех ждет малоприятное время.

Помимо этого, говорил себе он, есть Рита. И решения, которые надо принимать.

– Я не могу, – сказал он. – У меня планы, которые нельзя отложить. – Рита не знает о его планах поговорить с ней об их ребенке.

– Планы? – Томас удивленно улыбнулся. – Это хорошо, сынок. Действительно хорошо. Чтобы доказать, как я рад, я даже не спрошу тебя, что ты собираешься делать.

– Спасибо, – сухо ответил Джек.

Отец хлопнул в ладоши и потер их.

– Ну что ж, заберу рыболовные снасти и поеду в Сан-Диего.

– Привет Сэму.

– Передам.

Отец ушел, и Джек перевел дух. Напряжение не отпускало, тогда он встал, прошелся по кабинету, подошел к дальнему окну и посмотрел на море. Внизу пляж с любителями загара на раннем солнце, равномерное движение воды, когда от ветра образовывалась зыбь и волны, и это продолжалось бесконечно.

В кабинете было тихо, и обычно Джек это ценил. Но сейчас тишина стучала в голову подобно настойчивому стуку в дверь. Образы Риты, – прежние, вчерашние, – заполняли его мозг, и он почти ждал, что она появится в кабинете.

Но этого не произойдет.

Рита ни за что не пришла бы к нему, она слишком сердита на него, и он ее не винит. Но это не мешает ему сделать то, что он должен. Она беременна его ребенком, и черт его подери, если он проигнорирует это.

Постучав в дверь, вошла его помощница Линда Холлоуэй, женщина средних лет, деловая, с отрывистой манерой говорить.

– Прошу прощения, мистер Бьюканан, у вас встреча в двенадцать тридцать с капитаном «Королевы моря».

Четыре месяца Линда скрупулезно следила за тем, чтобы Джек без сучка и задоринки вошел в курс обязанностей отца: за его графиком, за ближайшими делами и вообще за всем, чем занималась компания Бьюкананов. Джек ей благодарен, но прямо сейчас ее появление ему ни к чему.

«Королева моря» – это их последний океанский лайнер. И Джек должен был встретиться с капитаном, чтобы утвердить последние детали первого круиза, который начнется через месяц. Но сегодня встреча не состоится.

– Отмените встречу, – произнес он.

– Что? – не поняла Линда. – Но капитан специально прилетел из Аризоны.

Еще один неблагоприятный поступок ляжет тяжестью ему на плечи.

– Ничего не могу поделать. У меня неотложное личное дело. Поместите капитана в лучшую гостиницу в городе и скажите ему, что мы встретимся завтра утром.

– Но...

– В восемь утра на пристани. Я буду там, и мы все осмотрим и все обговорим.

Джек достал пиджак из стенного шкафа и торопливо надел.

– Но...

– Линда, – твердо произнес он, – мне надо быть в другом месте, и это не может ждать. Договоритесь с капитаном.

– Да, сэр. – Линда была вынуждена согласиться.

– Спасибо. – Джек обошел вокруг нее и, не оглянувшись, вышел из кабинета.

– Он вернулся.

Рита посмотрела на свою помощницу, рыжеволосую Кейси:

– Ты о ком?

Кейси кивнула в сторону столиков в углу булочной:

– Тот крутой парень, который тогда увел тебя. Он снова здесь.

У Риты часто забился пульс, она медленно повернула голову и посмотрела через плечо. Джек сидел за тем же столиком, за которым просидел почти целый день вчера. На нем был черный костюм, черная костюмная рубашка и темно-красный галстук. Он выглядел именно так, как его описала Кейси: круто.

Будто почувствовав ее взгляд, он повернулся к ней и встретился глазами. Моментально кровь у нее в жилах превратилась в огненную реку, в животе возникло нервное трепетание. С самой первой встречи он так на нее действовал.

В ту минуту, когда он взял ее руку в тот первый вечер на пляже, она ощутила это. Что-то особенное. Волшебное.

Она не испугалась, когда он вышел из темноты. Наверное, ей следовало испугаться, но вместо испуга она почти почувствовала, что... ожидала его появления.

Они пошли к небольшому кафе, сели за столик на открытой веранде и заказали кофе. Они просидели три часа, рассказывали о своей жизни, хотя Рита говорила больше, чем он. Он не говорил о своей семье или где он живет, сказал только, что его имя Джек Бьюканан и что у него есть неделя, чтобы пожить нормальной жизнью, и он не хочет попусту терять ни минуты.

А когда он проводил ее к отелю, ни один из них не захотел попрощаться. Он прошел с ней по вестибюлю к лифтам с зеркальными дверями, и она смотрела на их отражение, когда они стояли рядом. Он такой высокий, она такая маленькая. Но они подходят друг другу – так подумала она, – словно созданы быть вместе.

Он повернул ее к себе и спросил:

– Как насчет завтра? Давайте встретимся, Рита.

– Да, – быстро согласилась она.

– Замечательно. – Он сверкнул улыбкой, мгновенно отразившейся в прозрачных голубых глазах. – Я буду здесь... в девять? О'кей?

– Может, в восемь? – спросила она. Ей хотелось поскорее встретиться с ним.

– Даже лучше. – Он наклонился, взял в ладони ее лицо и поцеловал.

Она замерла и зажмурилась. Один раз, два раза его рот осторожно коснулся ее рта, будто ожидая ответа.

А ей было мало. Никогда она не чувствовала к мужчине того, что заставил ее почувствовать Джек. Даже разговор с ним волновал, а теперь, когда она узнала вкус его губ, то поняла, что хочет продолжения.

Она обвила его руками за шею и прильнула к нему. Соски заныли, в теле зуд. Голова закружилась, а он обхватил ее и крепко поцеловал. Его язык касался ее языка, они дышали друг другу в рот, и ей казалось, что соприкоснулись их души. В теле проснулась и вспыхнула каждая клеточка, будто она находилась в коме всю жизнь и только сейчас по-настоящему живет.

Им обоим было все равно, смотрят ли на них. Его большие сильные руки скользят по ее спине, в голове лишь одна мысль – как безумно она его хочет. Но, она не женщина на ночь и не пойдет на это даже с ним.

Джек оторвал губы от ее рта и прижался лбом к ее лбу.

– Вы опасная женщина, – прохрипел он.

– Я никогда так не думала...

Он сверкнул улыбкой. Против такой улыбки женщине не устоять – пронзала насквозь.

– Когда я смотрю в ваши шоколадные глаза, это... словно наслаждение дорогим виски, – пробормотал он. – Я пьянею, погружаясь в них.

– А ваши похожи на небо после грозы в горах, – сказала она. – Ясные, яркие, без тени облаков.

Улыбка у него исчезла, и он опустил руки.

– Думаю, что теней у меня достаточно, но рядом с вами я их не замечаю.

– Я рада. – Рита приподнялась на носках, чтобы он опять ее поцеловал.

Он положил руки ей на плечи и отступил назад. Покачивая головой, он сказал:

– Если я вас сейчас поцелую, то не смогу уйти.

Рита это оценила. Она понимала, что не разумно отправляться в постель с мужчиной, которого только что встретила, и не важно, что она отчаянно этого хочет.

– Поэтому я уйду, пока еще могу.

– Наверное, так лучше, – ответила Рита, хотя тело требовало другого: просить его остаться.

– Если вы продолжите и дальше смотреть на меня своими потрясающими глазами, то я буду не в силах уйти.

– Тогда уйду я. – Она протянула руку к кнопке лифта.

– Мне нравится, когда женщина сильная и решительная.

– Не очень-то сильная. – Рита посмотрела на него, жар разливался у нее внутри. – Но я уйду. Спокойной ночи. Увидимся в восемь.

– В семь, – уточнил он.

– Даже лучше, – повторила она его прежние слова. Дверцы лифта с шорохом раскрылись. Она вошла внутрь, повернулась и взглянула на него. – В семь. Я буду готова.

– Замечательно, – успел произнести он, пока дверцы не закрылись, – потому что я готов прямо сейчас.

Рита прислонилась к стенке кабины, улыбнулась и поднесла руку ко рту, словно могла сохранить вкус его губ. Лифт поднялся на ее этаж, и она поняла, что сегодня ночью ей будет не до сна, но ее ждет восхитительное утро.

– Рита? – Кейси потрясла ее за руку. – Эй, Рита! Ты в порядке?

– Что? – Она отвела взгляд от Джека и посмотрела на помощницу, с трудом освобождаясь от воспоминаний.

– Да, все в порядке. – Рита кивнула. – Просто... устала.

И еще обозлена, обижена и сбита с толку. Столько разных ощущений, что и не счесть.

– Точно в порядке? – Кейси подтолкнула ее к стулу. – Может, сядешь?

– Нет. – Рита улыбнулась. – Все хорошо. Действительно. Послушай, присмотри за залом, а я принесу еще поднос с канноли.

– Конечно, но ты позови меня, в случае чего.

– Не будь такой паникершей. – Рита похлопала Кейси по руке и торопливо прошла через вертящуюся дверь на кухню, где хотя бы на минуту будет предоставлена сама себе, чтобы сделать дыхательные упражнения, а иначе она просто лопнет. Ей необходимо немного времени, чтобы прийти к решению.

– Рита, возьми себя в руки, – проямлила она, сняла фартук с крючка у двери, надела, завязав тесемки на толстом животе. Привычные движения помогли успокоиться.

Рита тщательно вымыла руки в раковине, вытерла чистым полотенцем и оглядела свои владения – ее детище до последней выпеченной булочки.

На кухне ей комфортно. Рита с братьями и сестрой выросла, работая в итальянской пекарне в Огдене. Еще совсем маленькой, едва доставая до разделочного стола, Рита помогала, посыпая мукой белую поверхность, где раскатывали тесто. Она любила запах булочек, кексов, пирожных и печенья. Любила месить руками тесто в огромной миске. Она вкладывала в это свой решительный характер.

– Все тесто на свете не поможет мне сейчас, – прошептала она, раскладывая бумажные салфетки на металлический поднос. Затем она осторожно выложила готовые канноли, украсила блестящим шоколадом. Для нее этот процесс не менее важен, чем проба готовых изделий до того, как вынести их в магазин.

Убедившись, что все канноли выстроились как солдаты, Рита проверила миски с поднимающимся тестом, похлопала по нему, чтобы оно осело и смогло подняться вторично – она пекла хлеб до закрытия булочной, потому что посетители любили взять свежую буханку домой. Затем она проверила аккуратные ряды металлических полок на одной из стен и сделала в уме заметку сказать Кейси, что надо еще упаковать печенье с кленовым пеканом.

– И я не знаю, что мне делать, – громко произнесла она в пустой кухне.

– Вопрос: почему? – разнесся эхом низкий голос Джека.

– Джек, тебе не следует здесь находиться.

– Твоя помощница Кейси сказала, что ты не очень хорошо себя чувствуешь.

Рита закатила глаза: придется поговорить с ней. Хотя нагоняй ни к чему не приведет. Если неотразимый мужчина попросит Кейси встать на голову, она встанет. А поскольку такие неотразимые, как Джек, появляются не часто, Кейси не устояла.

Рита смирилась с неизбежным и повернулась к Джеку.

– Джек, у меня сейчас нет на тебя времени. Я работаю.

Она подошла к подносу со свежими канноли, но не успела взять поднос в руки, как это сделал он.

– Ты не должна носить тяжести.

Конечно, приятно, что он кинулся ей на помощь, но пусть не думает, что она беспомощный нежный цветок.

– Я постоянно ношу подносы. Я беременна, а не калека. – Не дав ему возразить, добавила: – Я вообще-то осторожна. Я не хочу рисковать своим ребенком.

– Нашим ребенком.

– Да, ребенком, – со значением уточнила она. – А теперь отдай поднос.

– Не глупи. – Он повернулся к двери в магазин.

– Значит, я глупая?

– Я сказал – не глупи. Есть разница.

Дверь раскрылась, и Рита услышала слова Кейси, обращенные к Джеку:

– Большое вам спасибо.

Рита достала декоративные коробки для печенья бискотти. Она сама его упакует, и у нее будет причина остаться здесь и быть подальше от Джека. Но, скорее всего, это не сработает.

Джек вернулся с пустым подносом и покачал головой:

– Ты разве должна заниматься всем лично?

– Это мой бизнес, и за него отвечаю я. – Она быстро сняла поднос с бискотти с полки и повернулась к столу, не дав Джеку забрать у нее поднос. – Да, я делаю все сама. Я хочу, чтобы все было по-моему, и не могу ожидать этого от кого-то еще.

Она ловко раскрыла складную коробку, положила в нее дюжину бискотти и приклеила стикер «Италия». Потом взяла следующую коробку и спросила:

– Джек, почему ты снова пришел?

Джек взял бискотти и попробовал.

– Я здесь, потому что ты здесь. Потому что есть мой ребенок. И я не уйду, пока мы не договоримся.

– Прекрасно. – Она продолжала складывать бискотти в яркие красные коробки со стикерами «Италия», глядя на свою работу, а не на него. Если она посмотрит на Джека, то будет разрываться между желанием к нему и злости от его предательства.

Он допустил, чтобы она горевала по нему. Допустил, чтобы она сочла его убитым. Как простить, когда этот человек даже не объяснил, почему так поступил? И как уйти от тех прежних чувств, постоянно прорывающихся, несмотря на боль?

– Ты хочешь поговорить? Давай поговорим, – сказала она. – Начну я. Я хочу знать, почему ты исчез.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.